

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

ПРОДОЛЖЕНИЕ САМОЙ ИЗВЕСТНОЙ КНИГИ НУЛЕВЫХ

МЕТРО 2035

ХОЧЕШЬ ПРАВДУ?

metro

НАШЕ
МАКСИМ
MAXIMONLINE.RU
ЖУРНАЛ
РИССКИЙ РЕПОРТЕР

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

СВЕТЛАНА КУЗНЕЦОВА

МЕТРО 2033:

**ДВОРЕЦ
ДЛЯ РАБОВ**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК: 821.161.1-312.9
ББК: 84(2Рос=Рус)6-44
К89

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи — *Дмитрий Глуховский*
Главный редактор проекта — *Вячеслав Бакулин*

Оформление обложки — *Михаил Пантелеев*
Карта — *Леонид Добкач*

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Кузнецова, Светлана Александровна.
К89 Метро 2033: Дворец для рабов: [фантастический роман] / Светлана Кузнецова — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с. (Вселенная Метро 2033)

ISBN 978-5-17-121741-9

Спокойная жизнь в подмосковном поселке изменилась в одночасье с появлением на болоте кровожадной твари. С ней не могут сравниться даже волкодлаки, время от времени пробирающиеся на территорию поселка. Противостоять зову твари не удастся никому.

Но Тимур, кажется, нашел способ.

Взяв с собой двух друзей, он отправляется в Москву, где надеется отыскать помощь.

УДК: 821.161.1-312.9

ББК: 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121741-9

© Д.А. Глуховский, 2017

© С. Кузнецова, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

МУЗЕЙ ПОД ЗАКРЫТЫМ НЕБОМ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

АЛЕКСА ДЕ КЛЕМЕШЬЕ

Воспоминание родом из детства: корреспондент берет на улице интервью у иностранных туристов, туристы делятся впечатлениями от посещения столицы СССР.

— Что вас больше всего поразило?

— Чистота московского метро.

Пожалуй, именно тогда я впервые задумался о том, что где-то может быть иначе. Не в плане чистоты — вообще иначе.

Что такое метро для ребенка, родившегося и выросшего на окраине Москвы? Это «Щелковская» и «Первомайская» — простенькие, неказистые, утилитарные. Но такие же привычные, как подъезд родного дома. Это «Измайловская» — лучшая на свете станция, потому что поезд до и после нее идет не по туннелю, а по улице, и можно пялиться в окно, встав коленками на пухлые коричневые сиденья. А дальше, вплоть до конечной «Киевской» — целая череда станций, непохожих одна на другую. Какие-то для мальчишки интереснее (например, «Площадь Революции»), какие-то скучнее (типа «Смоленской»), какие-то удивительнее прочих («Измайловский

парк» с его тремя путями вместо двух). Но самое главное — они разные, и так было всегда, так и должно выглядеть метро, и иначе попросту не бывает!

В четырнадцать, покатавшись по парижской подземке, я волей-неволей сделал два вывода. Во-первых, оказывается, чистота все-таки важна. Просто в Московском метрополитене им. В.И. Ленина ты о ней не задумываешься, потому что она там есть, за ней следят, однако это осознается лишь в сравнении. Как бы нелепо это ни звучало, мне понадобилось побывать в столице западноевропейского государства, чтобы по достоинству оценить давний ответ туриста корреспонденту.

Во-вторых, окончательно выявились отличия родного метро от множества прочих. Если забыть, что слева-справа от тебя есть пути, то по той же «Площади Революции» или по «Киевской» можно ходить, будто по музейным залам, восхищенно рассматривая бронзовые скульптуры и мозаичные полотна. Что, собственно, москвичи и наблюдают в последние десятилетия, пытаясь по дороге на работу прорваться сквозь шумные и суетливые группы иностранцев, у которых посещение метрополитена стоит отдельным пунктом экскурсионной программы.

То, что в детстве мне казалось обыденным и само собой разумеющимся, для кого-то, как выяснилось, обладает настоящей художественной ценностью! Для меня это — всего лишь остановка общественного транспорта, где я жду поезда, платформа, на которой я толкаюсь в час пик, торопясь на работу, и частенько матерюсь вполголоса, застряв в толпе пассажиров у эскалатора. А для кого-то эта же станция — роскошный дворец. Со всеми присущими дворцу (или музею) атрибутами, с экспонатами, которые непременно нужно снять на смартфон, а еще лучше — запечатлеть самого себя на их фоне. Если довести фантазию до абсурда и представить, что в современной Москве нет ни одного музея, памятника архитектуры, достопримечательности и вообще какого бы то ни было объекта культурного наследия, сюда все равно будут ехать гости из других городов и стран — ради достопримечательностей подземных.

Герой романа «Дворец для рабов» не знал, с чем ему придется столкнуться в Москве, не догадывался, как выглядят станции метро, и мог лишь предполагать, есть ли на них выжившие. Попробуйте посмотреть его глазами на то, к чему вы, читатели, давным-давно привыкли.

Во Вселенной Метро 2033, как и в реальной жизни, друг может оказаться предателем, добропорядочный гражданин — серийным маньяком, невзрачный сосед — агентом вражеских спецслужб, а в организме случайного попутчика могут протекать такие необратимые процессы, что уже и не определить, человек ли он. Все окружающие — не те, за кого себя выдают!

В этот сборник вошли лучшие тексты, написанные уже знакомыми вам и совсем новыми авторами Вселенной Метро.

ГЛАВА 1

— Родя-Родя, что ж ты так... — донеслось из-за двери. Тим толкнул рассохшуюся, выкрашенную белой краской облупившуюся створку. Заржавевшие петли противно скрипнули, следом раздался слаженный лязг оружия.

— Свои, — не преминул предупредить он, даже не подумав, что кто-нибудь мог и пальнуть, не разобравшись.

Дула автоматов не опустили сразу, с десятков секунд упирались в грудь, пока он распахивал дверь и представал перед ясные очи своих бойцов: мало ли какие слуховые галлюцинации случаются? Николай Никифоров, загремевший на гауптвахту за злостное нарушение дисциплины и подставивший собственную группу второго дня, клялся, будто слышал мольбы о помощи, а не просто так полез в болото. Не оступился, проигнорировав приказ идти след в след, а намеренно устремился чуть не в самую трясиину — едва вытащили. И хорошо, что в тот момент на ребят не напала какая-нибудь гадская тварь, а то ведь все могло закончиться гораздо хуже.

— Ты не пугал бы так, командир, — буркнул дюжий парень под два метра ростом, с очень светлыми, практически бесцветными глазами, темными волосами, перебитым носом и кривым

шрамом на шее. Тим едва-едва достигал макушкой ему до подбородка.

— Проверяю боеготовность, Макс, — устало проговорил он и кивнул на привалившегося к стене парня, лежащего без сознания. Выглядел тот не лучшим образом: бледный, почти как труп, осунувшийся, с набухшей алой повязкой на ноге. — Он как?

— Не выберемся в ближайшее время — истечет кровью, — влез в разговор Данька. — Мой прогноз: три часа.

— Маловато, — сказал Максим укоризненно. — Плохого мнения ты о Родьке. Он же у нас парень о-го-го. Еще нас обоих переживет.

— Возможно, если повезет... четыре, — Данька подыгрывать приятелю не стал. С его точки зрения, все было более чем серьезно. — Затем заимеем на руках труп, который проще бросить, нежели сжечь или похоронить.

Тим кивнул, не соглашаясь, но принимая к сведению.

— Сжечь, — пробурчал Максим, — нечего оборотней привлекать.

— Да куда уж сильнее, — прошептал Данька.

— Волкодлаки, — поправил Тим. — Мы зовем их волкодлаками, а не оборотнями.

— А Никифорова на болоте, конечно же, позвала белочка, как Василь Василич скажет?.. — усмехнулся Максим. — Ох, вряд ли.

— Призрак отца Иннокентия, — бросил Тим, вызвав пусть не смех, но хотя бы улыбки.

Означенный отец Иннокентий был любимой ручной нечистью кладовщика. Как тот утверждал, обитал призрак на складе и обожал переставлять вещи с одного места на другое, а то и присваивал себе чего-нибудь приглянувшееся. Усовестить его удавалось с помощью детской считалочки: «Иннокентий, поиграй, но... (здесь следовало подставить наименование искомого предмета) мне отдай». И вещь непременно находилась — по словам все того же кладовщика. В юности, постоянно теряя необходимые в быту вещи, Тим тоже пытался звать к совести Иннокентия, но не

преуспевал в этом. Видимо, обретавшегося в его комнате домового звали как-то иначе.

— Белочка — она же белая горячка, — снова подал голос Данька, — приходит к тем, кто сивуху глушит без передыху, а Колька — трезвенник, каких поискать. Витас, опять же, смурной стал. Виталька рассказывал: наш затворник несколько раз просил его к болоту проводить, там сидел на берегу с час, наверное — со стороны от коряги не отличишь. То ли думал, то ли звал кого мысленно — Витас, говорят, и не такое умеет. А Витьку с Аленкой чуть какая-то пакость не сожрала.

— Да ну! — Максим фыркнул. — Чтобы нашу Аленушку — и какая-то пакость? В жизни не поверю. Наверняка она сама этой дряни хвост накрутила и Витьку спасла.

— Она такая, — согласно кивнул Данька.

Тим молча отошел к окну и осторожно выглянул на улицу. Все эти рассказы, байки и предположения насчет болота он выслушивал не впервые. Сам думал основательнее влезть в чертовщину, творящуюся там, да и вообще... имевшую место быть, поскольку дурные твари внезапно начали умирать и поражали слаженностью действий. Вот как сейчас, например. Волкодлаки в количестве трех особей сидели внизу на потрескавшемся асфальте и гипнотизировали окна. Сами покрыты темно-серой шерстью, головы волчьи, тела обезьяньи. Колодезов показывал Тиму фотографии животных, водившихся на земле до катаклизма, так вот, волкодлаки сильно напоминали горилл. Семипалые лапы оканчиваются загнутыми острыми когтями. В пасти — клыки длиной сантиметров десять, сине-зеленые, а не белые, как следовало бы ожидать, и какой только заразы под ними нет. Родьку слегка за ногу тяпнули, а он почти сразу отключился и теперь истекал кровью, то мечась в ознобе, то страдая от жара.

Единственная слабость волкодлаков — мозги, а вернее, их отсутствие. Они никогда не нападали из засады, не устраивали ловушек, о тактиках и стратегиях охоты и говорить не приходилось. Если волкодлак замечал добычу или врага, пер прямо напролом. Завалить одного не составляло особого труда, а вот

когда тварей набиралось с десятков, а то и больше, стрелка на всех не хватало. Но то раньше. Сейчас же Тим никак не мог избавиться от ощущения, будто на них напали организованно и загнали сюда по всем правилам проведения наземных операций. И вот теперь сидят и ждут, пока люди вылезут, или готовятся к штурму.

Как они вообще влезли в периметр? Сделали подкоп? Или рухнувшее дерево повредило стену? Но где? Когда? Ведь они патрулируют каждые шесть часов, пропуская лишь полдень — в это время не стоит выходить, даже будучи запакованным в защитный костюм... Тим с тоской посмотрел на небо и отвернулся.

— Вне видимости около пятнадцати особей, — подойдя к нему и подперев спиной обшарпанную стену, доложил Данька.

Тим кивнул. Он недавно проверял дверь, ведущую с лестничной клетки в холл первого этажа, и отчетливо слышал скрип когтей по старому дереву. Благо дерево это после катаклизма стало тверже камня и даже волкодлакам было не по зубам, то есть не по когтям. Пока.

— Не прорвутся? — словно прочитав его мысли, спросил Данька.

Тим пожал плечами.

— Вряд ли.

— Сколько? — пробурчал из своего угла Максим. — Да не шепчитесь вы там, а то я себя неуютно чувствую.

Тим снова пожал плечами.

— Я дал бы часа три-четыре, — сказал он, чуть подумав.

— Значит, столько же, сколько Родьке, — хмуро произнес Максим. — А мои слова вполне могут оказаться пророческими: по поводу кто кого переживет.

— Нас трое, — заметил Данька.

— Четверо! — с угрозой в голосе произнес Максим.

— Боеспособных — трое, — поправил Тим. — Тварей восемнадцать морд, а то и больше. В лоб не отобьемся, убежать не сумеем. Разве только встретим в узком проходе на лестнице, когда они прорвутся, и положим столько, сколько сумеем, но сметут нас все равно.

— И сожрут, — без энтузиазма в голосе сказал Данька.

— Вначале растерзают, на куски разорвут — не волнуйся, — Максим махнул рукой и прибавил: — Заживо. — Покосился на раненого и задумчиво проговорил: — Вот никогда не думал, будто скажу нечто такое, но завидую Родьке: он хотя бы ни черта не поймет.

— Отставить упаднические настроения, — велел Тим, отходя от окна и делая знак Даньке, чтобы тоже не стоял близко. — Идти на прорыв — глупость еще большая, чем ждать тварей здесь.

— По крышам на соседние дома? — предложил Максим.

— Соответствующего оборудования нет, — покачал Тим головой. — Даже если отыщем, Родьку бросать не будем до последнего.

— Да как ты мог предположить такое?! Я его на руках понесу!

— И мы лишимся еще одной мобильной стрелковой единицы? — Данька покачал головой и цыкнул зубом.

— Зато, пока лестницу проверял, я нашел замечательный таковой спуск в подвал, — сказал Тим.

Максим поднял голову и прищурился.

— А это выход, командир, — задумчиво проговорил он.

— Куда? На тот свет? — спросил Данька. Он тоже отошел от окна, наступил на гнилую доску, и та с противным скрипом-стоном прогнулась вниз. Тим, вцепившись в плечо бойца, рванул его в сторону.

— На тот свет мы, скорее, отсюда отправимся, — сказал Максим. — Причем через желудки волкодлаков, из которых, как известно, тоже есть два выхода. Ты это, командир, если имеется хотя бы шанс, его нужно использовать.

— В нем можно забаррикадироваться и...

— Помереть с голоду, потому что оборотни не уйдут, — хотнул Максим, — но, знаешь, эта идея нравится мне гораздо больше, нежели стать жратвой. Будем подыхать с голодухи, можем съесть Родьку.

— Фиг тебе, — донеслось от стены. Парень с трудом открыл глаза и просипел: — Я помогу, чем смогу.

В этот момент с наружной стороны послышался глухой рык. Старики утверждали, что именно с такой грозно-опасной интонацией звучал мотор некоего «Харлея» — железного мустанга и друга всякого свободного мужчины. Но Тим никогда не вдавался в подробности, для него звук ассоциировался только с одной, вполне конкретной кровожадной тварью.

— Окно! — выкрикнул он и потянул из-за пояса пистолет. До автомата пришлось бы идти, а времени на это не осталось. Тим предпочитал в разведку ходить налегке, гораздо больше доверяя осторожности, тишине и скорости собственных ног, чем боеспособности автомата. Но и «макаров» в его руке был далеко не прост: выпуска какого-то лохматого года, но доработанный в плане большей убойности. Тварей он клал легко, а большего и не требовалось.

В следующий миг неплотно прикрытая жестяным листом рама затрещала под весом волкодлака, когти пропороли металл, словно старую бумагу, а в комнату всунулась уродливая лысая голова, покрытая редким серым мехом. Волосы росли клоками, кожа сморщилась и висела складками на щеках и шее. Там же виднелась зеленоватая плесень с воспаленными красными участками по краям. Тварь была старой и уже начала гнить заживо. Наверное, ей осталось всего несколько месяцев, но уходить на покой она явно не спешила. Вероятно, благодаря накопленному за долгую жизнь опыту она и догадалась подняться по стене. Хорошо еще, сородичи не последовали ее примеру, впрочем, волкодлаки никогда не отличались способностью к подражанию или любопытством. Если они видели потенциальную добычу, то неслись к ней. Если замечали, что соплеменники уже кого-то загоняют или жрут, присоединялись.

Тим всадил пулю в плечо твари, та взвизгнула и прыгнула вперед — в комнату. Припоздавшая автоматная очередь Максима зря изрешетила ни в чем не повинный лист и раму, наделав столько шума, что голова показалась колоколом или пустой ка-

стрюлей, по которой со всей дури вдарили дубиной. Но прекращать пальбу было нельзя. В наступившей вслед за этим абсолютной тишине Тим увидел, как тварь дернулась, попятилась, капая отвратительной бурой жидкостью из изрешеченной пулями груди, запнулась о подоконник и сверзилась вниз. Глухой «шлеп» он не услышал, но ощутил вибрацию, прошедшую по всему зданию, потряс головой, и звуки неожиданно вернулись. Самыми громкими из них стали сначала взвизг, затем рык, а потом многочисленное «чав-чав», доносящееся снизу.

— Ща сблюю, — Максим сплюнул под ноги. — А как от нее воняет! Бя...

— Не хватает еще твои испражнения нюхать! — поморщившись, бросил Данька и обратился к Тиму: — Может, в соседнее помещение переберемся? Запашок тут...

— Не может, а непременно, — вздохнул тот, посмотрев на окно, распахнутое настежь и теперь открытое всем ветрам, непогоде и прочим не самым лучшим явлениям и созданиям природы нынешней планеты, истерзанной человеческим разумом, жадностью, глупостью и бессовестностью. Большую часть оконного проема занимало серое хмурое небо. Тиму оно казалось бездной, в которую даже не приходилось вглядываться, чтобы та начинала смотреть в ответ. Снизу виднелись худые голые ветви деревьев. Они тянулись вверх и в стороны, шарили многопальными конечностями и, казалось, только и ждали, чтобы кого-нибудь прогнать. — Я не любитель чистого радиационного воздуха.

Максим кивнул и, засунув палец под резинку противогаза, почесал подбородок.

— Спокойно, командир, не подхвачу, — сказал он, когда Тим непроизвольно дернулся в его сторону. Бывали случаи: нечто находило на бойцов, и тогда они срывали с себя противогазы и вдыхали полной грудью зараженный воздух. Ничем хорошим подобное, разумеется, не заканчивалось: не умерев на месте, люди начинали вести себя еще более неадекватно, больше проводили времени на поверхности, пренебрегали правилами безопасности, а потом лучевая болезнь настигала их и косила очень быстро,